

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ: НА СТОРОНЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ ИЛИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ? СОВРЕМЕННАЯ КРИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ

Д.А. КУТУЗОВА

В статье дается краткий обзор специфики такого направления в социальной работе, как критическая социальная работа, ставящего акцент на взаимодействие субъектности человека (и ее становления) с различными социальными, экономическими и политическими факторами. Обозначается «критическая психология», придающая облик индивидуальному и семейному консультированию, а также групповым практикам в рамках критической социальной работы; выделяются профессионально важные умения человека, решившего избрать такое направление деятельности, в том числе акцент ставится на рефлексивную практику, необходимую для преодоления «интериоризованного доминирования». Уделяется внимание критической социальной работе в ситуациях горя и утраты.

Ключевые слова: критическая социальная работа, критическая теория, рефлексивная практика, интериоризованное доминирование, интериоризованное притеснение, постмодернизм, власть, привилегии, субъектность, горе, утрата.

Многое из того, что будет в этой статье сказано о позиции социального работника, применимо и к позиции практического психолога и/или (психо)терапевта. Автор статьи хотел бы предложить информацию о критической социальной работе в качестве своего рода «реперной точки» для самоопределения. Признавая, что не существует единственно правильного для всех варианта самоопределения, автор надеется, что материал статьи поможет читателю лучше осознать ту позицию, которую тот выбирает для себя, как и те позиции, которые он не выбирает и не разделяет.

Специфика критической социальной работы

Можно сказать, что ключевой вопрос критической социальной работы (далее — КСР) — «Какие условия необходимо создать, чтобы «бытие» перестало определять «сознание», и процесс развернулся бы в противоположную сторону: «сознание» трансформировалось бы и стало определять «бытие»»? Что нужно сделать, чтобы люди, воспринимаяющие себя жертвами неблагоприятных обстоятельств, поверили в свою способность определять ход и направление своей жизни, объединились друг с другом (и, возможно), с профессионалами, и стали бы предпринимать те или иные шаги для изменения социальных, экономических и политических условий своей жизни?

Критическая социальная работа выстраивается на основе критической теории. В узком смысле под критической теорией понимается Франкфуртская школа марксизма (Г. Маркузе, Ю. Хабермас, Т. Адорно, Э. Фромм, М. Хоркхаймер), в широком смысле под термином «критические теории» объединяются все направления, рассматривающие связь субъектности человека и ее становления с социальным и политическим контекстом жизни людей, способность людей влиять на ход и направление своей жизни, в том числе посредством участия в социальных акциях, ведущих к изменению социальных и политических условий их жизни.

Более тридцати лет существования КСР показали, что она представляет собой такие модели связи теории и практики, которые наилучшим образом подходят для работы с отдельными людьми, семьями, группами и сообществами в ситуациях расового, этнического и культурного многообразия.

КСР связана с педагогикой освобождения [Freire, 1972, 2004; Horton & Freire, 1990]: такой работой с людьми, которая помогает им осознать источники притеснения в их жизни и имеющиеся у них знания, умения и ресурсы, позволяющие избежать притеснения, видоизменить/модулировать последствия его воздействия или выступить против него. Много внимания уделяется рефлексии, критическому разбору того, как доминирующие идеологии, дискурсы и социальные практики (в т.ч. институционализованные) влияют на жизнь людей.

КСР активнее всего развивается и оказывается наиболее востребованной в периоды экономических кризисов и социальных волнений. В истории развития КСР существует тенденция, согласно которой по окончании кризисных периодов в обществе социальные работники возвращаются к менее «социально-активистским» и более «психотерапевтическим индивидуальным» моделям работы.

КСР высвечивает связь личного и политического; она обращает внимание на воспроизводство социальной несправедливости, в особенности того, как сами социальные работники способствуют подобному воспроизводству. Она бросает вызов представлением о «превосходстве знания профессионалов» и ориентируется на создание партнерских взаимоотношений между специалистами и сообществами.

Кризис социальной работы в 1970-е

Хотя традиционно возникновение КСР относят к концу 19 века (в Великобритании и США), важно отметить, что в 1970-е годы социальная работа в целом как минимум в англоязычных странах оказалась в ситуации кризиса, связанного с марксистской критикой системы социального обеспечения, рассматривавшей социальную работу как механизм социального контроля со стороны государства. Работа социальных работников в государственных бюджетных учреждениях (в отличие от независимых агентств и НКО) оказывается практически полностью регламентирована бюрократическими требованиями; она направлена на поддержание status quo, стабильности, а не на социальные изменения.

Сфера социального обеспечения, рассмотренная с марксистской точки зрения, может быть понята как орудие капитализма (или тоталитаризма), направленное на то, чтобы ослабить ярость и возмущение бедных, успокоить совесть богатых и снизить вероятность революции, бунта, восстания. Пособия и услуги распределяются между теми, кого люди, находящиеся в привилегированном положении, сочли достойными, — чтобы те не выступали против существующего строя. Подробнее о «помогающих профессиях» как форме социального контроля можно прочитать в работах Гоффмана [Goffman, 1961], Фуко [Foucault, 1967, 1977, 1980], Шаша [Szasz, 1961, 1963], описывающих разные формы существования эксплуатации и притеснения, прикрывающихся риторикой «лечения», «исправления», «блага человека и общества». Социальные работники с этой точки зрения воспринимались как «двойные агенты», а «получатели помощи» ставились в зависимую, пассивную позицию.

Существовавшие в то время техники и приемы социальной работы вызывали нарекания не только со стороны тех людей, с кем велась работа, но и со стороны самих применявших эти приемы социальных работников. До 1970-х годов в социальной работе доминировала терапевтическая модель интервенций, основывавшаяся на психодинамической теории (подчеркивавшей значимость чувств и бессознательных

процессов) и на теории систем (помогавшей выделять в рамках семьи различные подсистемы, границы и паттерны взаимодействия). Системный подход подразумевает, что покой и равновесие — это оптимальное состояние человека и человеческих общностей.

В этих подходах отсутствовало внимание к более широким социальным, политическим и экономическим контекстам, а также к связанным с ними вопросам власти, доминирования и маргинализации. Существовавшие подходы транслировали точку зрения и нормы поведения, принятые среди образованных людей среднего экономического класса, принадлежащих к западно-европейской или американской культуре.

Индивидуальная и семейная долгосрочная терапия оказывается неэффективной в условиях государственных социальных центров, в том числе потому, что на ее проведение не выделяется достаточное количество времени и ресурсов.

Размещение проблемы исключительно внутри человека, патологизация личности, отказ учитывать влияние более широкого социального и политического контекста возникновения и поддержания проблем — это действия, защищающие интересы тех, кому выгодно сохранение status quo, актуального социального устройства, и невыгодна социальная трансформация. Эту группу образуют те, кто при нынешнем социальном устройстве занимает привилегированное положение — в силу возраста, пола, социально-экономического статуса, сексуальной ориентации, принадлежности к доминирующему этническому большинству и пр. Но иногда важнее помогать людям научиться менять ситуацию, а не лучше приспособливаться к существующей.

Кризис социальной работы привел также к формулированию критики позиции социального работника как «эксперта», обладающего «более правильным» знанием о жизни человека, обратившегося за помощью. «Нейтральность» специалиста невозможна, работа с людьми — это всегда политический акт с маленькой буквы «п»; специалист либо принимает сторону притеснителей (осознанно или неосознанно), либо как-то противостоит этому. В контексте критики заявлялось также, что специалист-социальный работник «наживается на чужом горе» — его работа с теми, кто «на дне», его самого поднимает выше по «социальной лестнице» за счет публикаций, повышения статуса в профессиональном сообществе, получения ученой степени и причитающегося при этом повышения оклада. Чьим интересам служит социальный работник — интересам людей, которые обратились за

помощью, или интересам той социальной группы, к которой принадлежит он сам?..

Была переформулирована сама концепция социальной работы: в центр, вместо «отдельного индивида» или «семьи» было помещено «сообщество», и стали развиваться партнерские формы практики, возвращающие членам сообществ те права и способности, которых они были в существенной степени лишены в процессе «профессионализации помощи». От работы «для клиента» перешли к работе «вместе с клиентом». Власть и привилегированное положение профессионала — не всегда угроза, их можно использовать как ресурс для организации обеспечения помощи.

Подходы к критической социальной работе

В рамках КСР можно выделить две группы подходов: структурные и постмодернистские. Социальный работник выбирает тот или иной подход, ориентируясь на культурный контекст, место настоящего момента в историческом процессе, а также требования конкретной ситуации.

Структурные подходы [Moreau, 1979; Mullaly, 1997] сосредотачиваются, в основном, на материальных аспектах равенства и справедливости. В первую очередь это достигается за счет выявления и разворачивания общих (надиндивидуальных) и политических измерений переживаемых людьми проблем и сложных жизненных ситуаций. Термин «структурный» подчеркивает, что в фокусе внимания находится не только человек, но и общественные структуры.

Структурный подход к социальной работе был разработан в конце 1970-х — начале 1980-х канадцем М. Моро [Moreau, 1979]. В фокусе его подхода — взаимодействие между людьми и конкретными социальными, экономическими и политическими обстоятельствами их жизни. Особое внимание он уделял вопросам власти — личной и политической: каким образом более могущественные члены общества определяют и ограничивают менее могущественных (белые определяют цветных, мужчины — женщин, богатые — бедных, гетеросексуалы — гомосексуалов, взрослые — детей, а молодые — стариков). Основной целью структурной социальной работы является помощь людям в том, чтобы критически осмыслить личную, социальную, экономическую и политическую ситуацию, в которой они находятся. Это происходит за счет анализа того, кому выгодно обозначение тех или иных форм поведения, ценностей, убеждений или эмоций как «нежелательных»,

и кто от этого страдает, — то есть выявление связи личного и политического.

Основная форма вмешательства в структурной социальной работе — так называемое «непосредственное снятие напряжения» (предоставление необходимых людям материальных ресурсов + анализ отношения к этим ресурсам — как к праву, привилегии и пр.). Вторая задача структурной социальной работы — помочь людям в создании контрструктур как внутри, так и вовне существующих социальных систем — для того, чтобы могли осуществиться социальные изменения. Для этого организуется работа групп: люди со сходным опытом переживания тяжелых жизненных ситуаций, собравшись вместе, с большей вероятностью могут осознать, что есть общего (надиндивидуального) в их переживаниях, и какими факторами обуславливается возникновение этих переживаний. Проблемы перестают восприниматься как следствие индивидуальной патологии, формируется солидарность среди притесняемых, и становится возможен коллективный отклик на проблемы, создаваемые и поддерживаемые институционально.

Моро, однако, предупреждал об опасности приписывания ответственности за проблемы только социальным структурам и о том, что необходимо работать не только со «средой». Нужно сосредотачиваться не только на социальных институтах, но уметь работать с отдельными людьми, семьями, группами и сообществами.

Было обнаружено, что в работе с некоторыми семьями предоставление материальных ресурсов оказывается достаточным для того, чтобы ситуация семьи в целом значительно улучшилась, однако в работе с другими семьями это оказывается недостаточным. Более значимыми оказались процессы, связанные с развитием уверенности в себе, социальных и практических навыков, правосознания и чувства осмысленности собственной жизни — параллельно с работой в более широком социальном контексте.

Постмодернистские подходы утверждают различия между людьми, размещая их в культурно-историческом контексте, и стремятся способствовать изменениям за счет «распаковки», исследования и опротестовывания доминирующих дискурсов в конкретных жизненных условиях. Критики постмодернизма, как правило, описывают его как нечто разрушительное, игнорируя описанное, в частности, Розенау [Rosenau, 1992] различение «скептического» постмодернизма — и постмодернизма «аффирмативного», открывающего пространство для созидания. Аффирмативные постмодернистские подходы придают людям надежды и оптимизма.

В 1990-х годах произошел «постмодернистский поворот» — все больше внимания уделялось социальной фрагментированности, неопределенности, локальности и различиям. В результате этих изменений структурные подходы к социальной работе стали менее применимы — они в недостаточной мере учитывают различия, в том числе — различия между культурами, становящиеся все более актуальными в ситуации глобализации и мультикультурализма. Некоторые профессионалы скептически относятся к постмодернистским теориям и подходам, т.к. считают, что они отступают от универсальных представлений о социальной справедливости и равенстве, выводя на первый план «локальное знание» и различия.

В центре внимания постмодернистских подходов — социальная трансформация; множество различных социально конструируемых реальностей; важность локального контекста практики; роль дискурсов в поддержании дисбалансов власти. Эти подходы подчеркивают, что в привилегированном положении находятся не только те, в чьем распоряжении материальные ресурсы, но и те, кто продуцирует знание — дает описания другим, получающие статус истинности. Задача работы с маргинализированными группами населения состоит, в существенной степени, в том, чтобы у них появилась возможность и развивались умения давать описания самим себе и своему опыту, «говорить от первого лица».

Вместо того, чтобы следовать грандиозной идее «мировой революции» и масштабных социальных преобразований, постмодернистские подходы стремятся создать условия для продолжающегося опротестовывания того, что принимается «как данность» и считается «само собой разумеющимся». Они опираются на анализ власти, предложенный Фуко [Foucault, 1977, 1980], и уделяют внимание не только традиционной власти, но и так называемой «современной власти». Последняя не сконцентрирована в каком-то одном источнике, но вездесуща. Для своей реализации она нуждается в том, чтобы люди сами надзирали за собой и другими; «современная власть» не столько ограничивает и запрещает, сколько формирует; не столько выносит моральное суждение, сколько — нормативное, соотносящее поведение человека с определенными социальными нормами. Власть, с этой точки зрения, присутствует во всех отношениях, и задача социального работника — делать функционирование власти видимым для тех, с кем ведется работа, включая отношения между этими людьми и самим социальным работником. Социальный работник позиционируется в качестве ресурса для тех, кто обращается за помощью, — особенно

ценится его умение воспринимать сложность контекста и расставлять приоритеты, чтобы становилось возможным понятное действие.

Также особое внимание в постмодернистских подходах уделяется понятиям идентичности и субъектности. Считается, что возможны различные формы и проявления субъектности. В постмодернистских подходах утверждается, что идентичность человека, его характеристики не являются проявлением каких-то неотъемлемо присущих ему качеств или внутренних структур (например, «человеческой природы»), а постоянно конструируется и переконструируется в процессе социального взаимодействия. Роль языка при этом оказывается ключевой: человек может выбирать «созвучные» ему сообщества и формы взаимодействия, и в них создавать свою предпочитаемую реальность. Постмодернистские подходы утверждают возможность общности, не «стирающей» различия. Подробно способы воплощения этого на практике описаны в работах Партона и О'Бирна [Parton & O'Byrne, 2000a, 2000b]; они комбинируют в своей работе приемы нарративной терапии [White and Epston, 1990; White, 2007; Denborough, 2008] и терапии, ориентированной на решение [de Shazer, 1985], давая понятные инструкции и примеры того, как в социальной работе воплощается уважительное отношение, трансформативный потенциал микроконтекста коммуникации и признание различий. В их модели особое влияние уделяется деконструкции «само собой разумеющихся» убеждений и конструированию альтернативных дискурсов, а также созданию поддерживающих их сообществ.

Следует отметить, что в современном мире модернизм и постмодернизм сосуществуют, и некоторые авторы [Ife, 1997; Thompson, 1998] утверждают, что социальным работникам на практике приходится совмещать и модернистские (структурные) и постмодернистские подходы.

Практика критической социальной работы

Аллан [Allan, 2003a] выделяет четыре аспекта, значимых для практики критической социальной работы:

- 1) ценностные ориентации: в основе КСР лежит вера в человеческое достоинство, право каждого человека на то, чтобы к нему относились с уважением, и приверженность идеалу социальной справедливости. Социальная работа стремится к реализации в обществе идеалов справедливости, инклюзивности, разнообразия и участия (вовлеченности);

2) диалектические подходы, помогающие интегрировать личное и политическое на всех уровнях. В традиционных подходах к социальной работе в рамках «вмешательства» выделяются различные уровни: работа с индивидом или семьей; работа с группами; разработка программ; создание сообществ и работа с сообществами; работа в сфере социальной политики и проведения исследований. Практики преимущественно работают на каком-то одном из них, как правило — на уровне работы с индивидом или семьей. В КСР слово «вмешательство» не используется, т.к. оно позиционирует социального работника как «эксперта, осуществляющего изменения», а человека, живущего в трудной ситуации, как пассивного потребителя помощи. Вместо этого в КСР используется выражение «совместная работа»;

3) анализ того, каким образом социополитические факторы и дискурсы влияют на ситуации, в которых участвует социальный работник: как материальные условия жизни способствуют порождению социальных проблем? Присоединяются ли значимые другие человека к его притеснению большинством? Насколько человеку доступна реальная возможность протестовать против притеснения? Каковы те требования, которым человек «должен» соответствовать — и не соответствует? Как он пытается приводить себя в соответствие нормам — и какие важные жизненные ценности защищает, протестуя или саботируя «необходимость» это делать?

4) понятие «эмпауэрмента», или поддержки людей в проявлении их субъектности и права на выбор: задача социального работника в данном случае — создавать условия, в которых люди могут осознать собственное право на выбор, его возможность, а также имеющиеся у них силы, ресурсы, знания и умения, помогающие решить проблему. Не любая практика социальной работы ведет к созданию подобных условий.

Виды деятельности организаций, занимающихся КСР

На примере австралийских феминистских организаций, занимающихся критической социальной работой, Уикс [Weeks, 2003] выделяет следующие виды деятельности (в порядке убывания распространенности):

1) предоставление информации, оказание моральной поддержки и направление к специалисту — по телефону;

2) предоставление информации, оказание моральной поддержки и направление к специалисту — очное¹;

3) просветительская деятельность в более широком сообществе и среди профессионалов (посредством публичных выступлений, выпуска обучающих буклетов и плакатов, учебников, брошюр, сборников материалов, выступлений по радио (эпизодических и регулярных), издания вестника организации, выпуска просветительских видеозаписей);

4) очное индивидуальное и семейное консультирование;

5) адвокаты — выступление в защиту интересов людей и групп, направленное на изменение социальной политики (участие в комиссиях и комитетах, проведение кампаний); чем враждебнее политический климат, тем больше места в работе организаций занимает адвокаты;

6) телефонное консультирование;

7) предоставление образовательных ресурсов и программ;

8) групповая терапия, группы поддержки и тренинги по формированию навыков, полезных людям для изменения жизни;

9) аутрич-работа;

10) работа с представителями этнических меньшинств (не на языке большинства);

11) проведение исследований;

12) предоставление временного жилья;

13) медицинская реабилитация и профилактика;

14) юридическая помощь.

Данный перечень видов деятельности позволяет определить объем и место традиционных форм психологической и психотерапевтической помощи в контексте комплексной критической социальной работы, а также выделить сферы потенциального сотрудничества с работниками смежных специальностей. Важно отметить, что занимающая достаточно много времени рефлексивная практика, проводимая в одиночку (в письменной форме, в виде дневников личностного и профессионального роста) и в группах в формате интервизии, не включена в этот перечень и рассматривается отдельно — так же, как и виды

¹ В основе деятельности этих организаций лежит предположение, что люди способны решать свои проблемы самостоятельно, если у них есть доступ к информации, материальным ресурсам, и если они получают моральную поддержку.

деятельности, связанные с обеспечением отчетности специалистов перед теми, с кем ведется работа, и перед донорскими организациями — источниками средств.

Что должен уметь человек, решивший заниматься критической социальной работой?

- У него должно быть развитое социальное и политическое сознание: он (а на самом деле, чаще всего это бывает «она») должен уметь выделять источники притеснения и вовлекать людей в анализ последствий притеснения в их жизни;
- Он должен уметь воспринимать противоречия в работе нанимающей его организации, высвечивать и документировать эти противоречия, чтобы коллектив организации мог использовать эту информацию для продвижения изменений;
- Он должен знать, какие негосударственные некоммерческие организации занимаются подобной проблематикой, и налаживать отношения с ними;
- Он должен уметь занимать позицию «незнания», не навязывать свое мнение и видение ситуации человеку, с которым ведется работа;
- Он должен обладать знаниями и умениями для работы с отдельными людьми, семьями, группами и сообществами;
- Он должен уметь создавать условия для того, чтобы люди, с которыми ведется работа, получали необходимые знания и умения для решения своих проблем и изменения неблагоприятных жизненных ситуаций;
- Он должен уметь выступать в защиту интересов отдельных людей, семей или групп;
- Он должен иметь достаточно знаний о культурах, в том числе и о своей собственной, и о культурных основах теорий и практик;
- Он должен относиться к чужой культуре бережно, как ученик-подмастерье, а не поверхностно, как турист;
- Он должен уметь вовлекать и способствовать участию в разработке социальной политики людей, обладающих непосредственным «инсайдерским» опытом в сфере тех проблем, которые государство стремится решить (т.наз. «experience consultants»).

Критическая социальная работа и критическая психология

Для успеха критической социальной работы в основе ее компонента, имеющего отношение к индивидуальному консультированию/терапии, должна лежать «критическая психология». Пока

нет единства мнений о том, что же должна представлять собой эта критическая психология (такое единство, впрочем, не обязательно). Очевидно, в ней должна разрабатываться тема субъектности и взаимодействия/переплетения личного и социального. По мнению Фокса и Приллетенского [Fox & Prilleltensky, 1997], ключевым понятием критической психологии является понятие притеснения. Слоан [Sloan, 1997] утверждает, что критическую психологию интересуют те аспекты человеческой личности, которые формируются в результате интериоризации отношений доминирования и притеснения. Притеснение может быть не только экономическим или политическим, оно может выражаться и в виде «психического отчуждения» [Meares, 2002] — «оторванности человека от источника переживания собственного бытия как личности» [Bartky, 1975]; в результате которого дух человека оказывается сломлен, даже когда сам он не может осознать структурные факторы притеснения.

Фрейре [Freire, 1972] утверждает, что, пока люди не осознали притеснение, которому они подвергаются, они практически всегда относятся к своей жизненной ситуации фаталистически. Они не верят в себя и убеждены в том, что притесняющие их силы неуязвимы и крайне могущественны. Люди испытывают отчаяние и апатию, и это мешает им организовывать и предпринимать какие-либо коллективные действия. Как в тоталитарно-коллективистских, так и в рыночно-индивидуалистических обществах людям бывает непросто создавать сообщества поддержки и действовать совместно. Они чаще вкладывают энергию в то, чтобы устроиться максимально успешно в существующем режиме, а не менять его.

Пиз [Pease, 2003] выделяет четыре аспекта, которые, по его мнению, должны присутствовать в критической психологии: гуманизм, марксизм (как осознание «отчуждения»: того, как капиталистическое общество оформляет опыт людей, довлеет над ним и ограничивает его, отчуждая людей от общества, от близких и от самих себя), внимание к неосознаваемым процессам в становлении личности, а также постмодернистские представления о дискурсе (в понимании Фуко [Foucault, 1967]) и позиционировании [Harre & Davies, 1990]. При такой постановке вопроса критическая психология должна преодолеть «водораздел» между модернизмом и постмодернизмом, — что, с точки зрения Пиза, не представляет проблемы, т.к. постмодернизм «снимает» модернизм, включая его в себя как «одно из возможных описаний, весьма полезных и красивых в определенных контекстах» [Pease, 2003].

Интерииоризованное притеснение и интерииоризованное доминирование

Социальные отношения притеснения и маргинализации интерииоризуются, и человек, занимающий менее привилегированное, маргинализованное положение, начинает относиться к себе так же, как к нему относится притесняющий — считать себя «человеком второго сорта», разделять предрассудки и стереотипы, задающие направление притеснения, и тем самым считать притеснение оправданным. Интерииоризованное притеснение ведет к потере самоуважения, подавленности, апатии, к эрозии способности влиять на ход и направление собственной жизни (субъектности).

Другой стороной в этих отношениях доминирования-притеснения являются те, кто занимает более привилегированное положение. То, что возникает у этих людей в результате интерииоризации этой формы взаимоотношений, называется «интерииоризованным доминированием». Последствия этого — «слепота» по отношению к собственному привилегированному положению, восприятие собственной позиции и условий собственной жизни как чего-то «само собой разумеющегося», как «естественного права».

Противостоять интерииоризованному доминированию можно посредством признания и празднования различий, посредством рефлексивной практики [Etherington, 2004], а также создания партнерских альянсов с представителями иных социальных групп. Рефлексивная практика подразумевает, что работники постоянно исследуют свои представления и заявления, относятся к ним критично и не принимают их за универсальную истину. Рефлексивная практика подразумевает «способность определить свое место в ситуации за счет признания того, как действия и интерпретации, социальный и культурный контекст, личная история, чувства и переживания, ценности и убеждения влияют на ситуацию» [Fook, 1999, с. 199]. Рефлексия специалиста направляет его самообразование, саморазвитие и курс действий [Healy, 2000]. Эта практика позволяет осознать и использовать прежде маргинализованные аспекты познания, такие, как необычные ощущения, личную историю и пр. Для отслеживания собственных предрассудков и их влияния на взаимодействие с людьми, обратившимися за помощью, применяется, в частности, исследование собственного профессионального пути работника и изменений в его убеждениях с течением времени.

Когда работник начинает осознавать собственные культурные, расовые, социально-экономические и иные привилегии, это часто бы-

вайт для него непросто. Приходится сместиться с привычной позиции, на которой человек чувствовал принадлежность к большему целому, признание, обладал статусом, — ради того, чтобы попытаться увидеть себя с иной точки зрения, глазами людей из другой социальной группы. В ходе этого важно занимать позицию ученика, подразумевающую смирение и глубокое уважение. Это шаг, открывающий возможность отказаться от привилегий и власти, от принятых в «своей» культуре способов осмысления явлений — для того, чтобы научиться чему-то новому [Denborough, 1996].

Работа с горем и утратой в рамках критической социальной работы

Горе и утрата — это социальные переживания; для того, чтобы действительно мочь помочь людям в горе, важно осознавать, что личное, политическое и культурное измерения в этом переживании тесно переплетены. Многие люди, с которыми доводится общаться социальному работнику, переживают очень сильные болезненные чувства. Важно узнать, как обозначает эти переживания сам человек, а не классифицировать их автоматически как горе и утрату. От того, что эти переживания представляют собой для человека, зависят последствия — и тот вариант помощи, который будет максимально адекватен. Терапия — неподходящий ответ для людей, нуждающихся в материальной помощи или в восстановлении справедливости [Puravac, 2002; Agulampalam et. al., 2006]. Критическая практика социальной работы может помочь специалисту избежать предложения неадекватных инициатив.

Общество требует, чтобы люди сдерживали переживания, связанные с горем, особенно на публике. Иногда, будучи следствием несправедливости (в частности, массового характера) такие переживания могут вылиться в ярость, насилие и бунт. Немало мятежей и революций начинались с похорон. Одновременно культура «популярной психологии», основывающаяся на дискурсе профессионального сообщества, предписывает, что человек должен «пережить» горе, выразить его, в том числе словами, иначе весьма вероятны пагубные последствия для психического здоровья человека и его благополучия.

Психотерапевтическая колонизация привносит в культурные контексты, отличающиеся от западноевропейского и американского, свои особые представления о «правильном горевании». В частности, это представления о том, кто и по кому имеет право горевать,

о стадиях горевания, о четырех «работах горя» и пр. Эти описания, несомненно, полезны для некоторых людей и способны облегчить их страдание, в частности, давая способ сориентироваться, но в рамках критической социальной работы предлагается не считать их универсальными истинами. В частности, в последние годы все более распространенной становится метафора пересмотра и восстановления отношений с ушедшим дорогим человеком («снова сказать “здравствуй”», [White, 1988]), альтернативная доминирующей в профессиональном сообществе метафоре «прощания» и «завершения дел».

Аллан [Allan, 2003b] особо подчеркивает роль социальных работников в том, чтобы создавать пространство для признания так называемого «бесправного» (disenfranchised) горя. В любой культуре имеются нормы, задающие, кто и по кому имеет право горевать. Горе оказывается «бесправным» по четырем основным причинам: 1) если отношения между умершим и тем, кто остался в живых, обществом не признаются как легитимные или не являются привилегированной формой взаимоотношений (например, если это были отношения любви вне брака, отношения любви между людьми одного пола, отношения друзей, коллег, людей, связанных духовным родством); 2) сама утрата может не считаться значимой в соответствии с культурными нормами (аборт, отказ от ребенка, лишение родительских прав, смерть домашнего животного); 3) люди, оставшиеся в живых, могут считаться неспособными переживать горе (они для этого «слишком юны» или «слишком стары», или отличаются особенностями интеллектуального и/или эмоционального развития); 4) сама смерть может быть «недостойной» или «постыдной», например, в случае самоубийства, злоупотребления алкоголем и/или психоактивными веществами, смерти от стигматизирующих заболеваний, таких как СПИД.

Так как существенным аспектом критической социальной работы является создание сообществ и социальный активизм, то в ситуации, когда человек пережил утрату (в особенности в связи с несправедливостью), задачей социального работника может стать помощь таким людям в создании общественной организации для предотвращения повторения подобной несправедливости. Подобная деятельность порой оказывается целительной для тех, кто остался в живых, позволяет им восстановить преемственность жизни и обрести новый смысл.

Заключение

Когда человек обращается за помощью к психотерапевту, достаточно вероятно, что помимо собственно психологических проблем человек переживает последствия нарушения собственных прав. В силу неразвитого правосознания, характерного для нашей культуры в целом, человек может не осознавать, что его права были нарушены, или что предмет его жалоб непосредственно связан с этим нарушением прав. Так же, как и правозащитник, выслушивая доверителя, иногда испытывает необходимость порекомендовать ему обратиться также к психологу — и психолог/(психо)терапевт, знакомясь с историей человека, обратившегося за помощью, может испытывать необходимость направить его на консультацию к юристу-правозащитнику. Налаживание такого партнерства необходимо для того, чтобы повлиять на более широкие социальные факторы, способствующие возникновению проблем.

Психологи и (психо)терапевты, работающие в частной практике или в коммерческих центрах, оказываются в сугубо привилегированной позиции: люди, попадающие к ним в кабинет, проходят «фильтр» имущественного ценза и «мотивации участия в терапии». Соответственно, спектр проблем, с которыми им приходится работать, ограничен спецификой жизненного контекста платежеспособного социального слоя, разделяющего ценности определенной культуры (в которой, например, нормально и правильно со своими проблемами идти разговаривать к постороннему человеку). Более того, имущественный ценз участвует и в отборе среди самих профессионалов, т.к. психотерапевтическое образование — удовольствие не из дешевых. Таким образом, профессиональное сообщество, формулируя общую платформу убеждений, ценностей и норм поведения и развития человека, транслирует взгляды, характерные для определенного социального слоя, — и маргинализует тех, кто эти взгляды не разделяет. В психологической работе «приведение к норме» также может рассматриваться как форма социального контроля, а психолог в бюджетном учреждении может выступать в качестве «двойного агента».

Специалисты, работающие в бюджетных организациях (образовательных учреждениях, центрах социальной помощи, кризисных центрах и на «телефонах доверия»), имеют дело с более широким спектром проблем, как правило, имеющих очевидную социальную подоплеку: бедность, принадлежность к тому или иному меньшинству,

или маргинализованной группе (семьи с одним родителем, многодетные, бездомные, люди с инвалидностью, хронически больные, люди, злоупотребляющие психоактивными веществами и т.д. и т.п.). Здесь оказания собственно «психологической помощи» оказывается очевидно недостаточно, и функция «психолога» размывается и смешивается с функцией социального работника.

Вполне возможно, что в качестве основы для критической психологии и критической социальной работы, адекватной российскому культурному контексту, могут быть использованы культурно-историческая психология Л.С. Выготского и психология субъекта С.Л. Рубинштейна (развитые их учениками и последователями).

Критическая социальная работа может реализоваться в тех случаях, когда она созвучна мировоззрению и ценностям работника и когда работник находит поддерживающее сообщество — единомышленников. В одиночку работать в окружении, не поддерживающем идеи и практики КСР, крайне тяжело. Даже в странах, претендующих на то, что их политический строй представляет собой демократию, социальная работа как профессия достаточно мало способствует социальным изменениям. В государственных организациях работники все чаще оказываются в ситуации, когда им приходится идти на компромисс со своей личной этикой и с ценностями профессии, чтобы сохранить работу. Экономика, ориентированная на высокую интенсивность смены кадров в организациях и на «взаимозаменяемость» людей, убеждает нас в том, что все наши проблемы — сугубо личные и решаться должны в частном порядке. Тем, кто работает «внутри системы», необходимо поддерживать контакт с теми, кто «вне» системы, чтобы не быть поглощенными ею.

Ключевым моментом для преодоления «фатализма притесняемых» и «слепоты привилегированных» считается формирование сообществ [Dalton et al., 2007; Moritsugu et al., 2003; Denborough, 2008] — групп, объединенных общей заботой. Однако в нашем культурном контексте слово «сообщество» почти не имеет того смыслового наполнения, которое в других культурах является движущей силой социального действия. Поиск или создание возможностей для существования и работы сообществ в современном российском контексте — непростая, но очень интересная задача.

ЛИТЕРАТУРА

- Allan J. 2003a. Practising critical social work // Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) *Critical Social Work: an introduction to theories and practices*. Allen & Unwin.
- Allan J. 2003b. Loss and grief: weaving together the personal and the political. // Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) *Critical Social Work: an introduction to theories and practices*. Allen & Unwin.
- Arulampalam, S., Perera, L., de Mel, S., White, C., & Denborough, D. 2006. Avoiding psychological colonisation: Stories from Sri Lanka — responding to the tsunami // In *Trauma: Narrative responses to traumatic experiences*, ed. by D. Denborough, Dulwich Centre Publications, Adelaide, Australia.
- Bartky, S. 1975. Toward a phenomenology of feminist consciousness. // *Social Theory and Practice*, vol.3, no. 4, p.425-39.
- Dalton, J.H., Elias, M.J., Wandersman, A. 2007. *Community Psychology: Linking individuals and communities*. Thomson: Wadsworth.
- Davies, B. & Harre, R. 1990. Positioning: The discursive production of selves. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 20, no. 1, p.43-63.
- Denborough, D. 1996. Becoming squarehead, becoming gubba. // In *Beyond the Prison: Gathering dreams of freedom*. Dulwich Centre Publications, Adelaide, Australia. [Электронный ресурс] Перевод на русский язык размещен по адресу <http://narrilibrus.wordpress.com/2009/03/07/squarehead/> (дата обращения 01.09.2009)
- Denborough, D. 2008. *Collective Narrative Practice*. Dulwich Centre Publications, Adelaide, Australia.
- Etherington, K. 2004. *Becoming a Reflexive Researcher: Using our selves in research*. Jessica Kingsley Publishers, London and Philadelphia.
- Fook, J. 1999. Critical reflectivity in education and practice / In *Transforming Social Work Practice*, ed. By B. Pease and J. Fook, Allen & Unwin, Sydney.
- Foucault M. 1967. *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*, Tavistock, London.
- Foucault M. 1977. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Allen Lane, London.
- Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977*, ed. C. Gordon, Pantheon, New York.
- Fox, D., & Prilleltensky, I. 1997. Introducing critical psychology: Values, assumptions and the status quo, // in *Critical Psychology: An Introduction*, eds. D. Fox and I. Prilleltensky, Sage, London.
- Freire P. 1972. *Pedagogy of the Oppressed*. Penguin, Harmondsworth.
- Freire P. 2004. *Pedagogy of Hope: Reliving the pedagogy of the oppressed*. Continuum.
- Goffman E. 1961. *Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates*. Penguin, Harmondsworth.
- Healy, K. 2000. *Social Work Practices: Contemporary perspectives on change*. Sage, London.

- Horton M. & Freire P. 1990. *We Make the Road by Walking: conversations about social change*. Temple University Press.
- Ife, J. 1997. *Rethinking Social Work: Towards critical practice*. Longman, Melbourne.
- Meares, R. 2002. *Intimacy and Alienation: Memory, trauma and personal being*. Brunner- Routledge.
- Moreau M. 1979. A structural approach to social work practice // *Canadian Journal of Social Work Education*, vol. 5, no. 1, p.78-94.
- Moritsugu, J., Wong, F.Y., Grover Duffy, K. 2003. *Community Psychology*. Pearson, Allyn & Bacon.
- Mullaly, R. 1997. *Structural Social Work: Ideology, Theory and Practice*. 2nd ed., Oxford University Press, Toronto.
- Parton, N. & O'Byrne, P. 2000. *Constructive Social Work: Towards a New Practice*. Macmillan, Houndmills.
- Payne, M. 1997. *Modern Social Work Theory*. 2nd edition, Macmillan, London.
- Pease, B. 2003. Rethinking the relationship between the self and society // In Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) *Critical Social Work: an introduction to theories and practices*. Allen & Unwin.
- Pupavac, V. 2002. Pathologizing populations and colonizing minds: international psychosocial programs in Kosovo // *Alternatives*, vol.27, no.4, p.489-511.
- Rosenau, P. 1992. *Postmodernism and the Social Sciences*. Princeton University Press, Princeton.
- Shazer de, S. 1985. *Keys to Solutions in Brief Therapy*. Norton, New York.
- Sloan, T. 1997. Theories of personality: Ideology and beyond // *In Critical Psychology: An Introduction*, eds. D. Fox and I. Prilleltensky, Sage, London.
- Szasz T.S. 1961. *The Myth of Mental Illness*. Hoeber-Rowe, New York.
- Szasz T.S. 1963. *Law, Liberty and Psychiatry*. Macmillan, New York.
- Thompson, N. 1998. *Promoting Equality: Challenging discrimination and oppression in the human services*. Macmillan, London.
- Weeks, W. 2003. Women: Developing feminist practices in women's services // In Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) *Critical Social Work: an introduction to theories and practices*. Allen & Unwin.
- White, M. 1988. Saying 'hullo' again: The incorporation of the lost relationship in the resolution of grief, Dulwich Centre Newsletter. Spring. [Электронный ресурс] Перевод на русский язык размещен по адресу: <http://narrlibrus.wordpress.com/2009/01/25/saying-hullo-again/> (дата обращения: 01.09.2009)
- White, M. 2007. *Maps of Narrative Practice*. Norton, New York.
- White M., & Epston D. 1990. *Narrative Means to Therapeutic Ends*, Norton, New York.

Psychological help: siding with the social reforms or with the social control? Contemporary critical social work abroad

D.A. Kutuzova

This article presents a brief review of critical social work, the branch of social work that emphasizes the interaction of personal agency of the individual(s) with various social, economic and political factors. There is mentioned the necessity for “critical psychology” that would inform individual and family counselling and group work within critical social work; the main professional skills of a critical social worker are listed, including the need for building reflexive practice to overcome “internalised domination”. Special attention is paid to critical approaches to work in the situations of grief and loss

Key-words: critical social work, critical theory, reflexive practice, internalised domination, internalised oppression, postmodernism, power, privilege, agency, grief, loss.

- Allan J. 2003a. Practising critical social work // Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) *Critical Social Work: an introduction to theories and practices*. Allen & Unwin.
- Allan J. 2003b. Loss and grief: weaving together the personal and the political. // Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) *Critical Social Work: an introduction to theories and practices*. Allen & Unwin.
- Arulampalam, S., Perera, L., de Mel, S., White, C., & Denborough, D. 2006. Avoiding psychological colonisation: Stories from Sri Lanka — responding to the tsunami // *In Trauma: Narrative responses to traumatic experiences*, ed. by D. Denborough, Dulwich Centre Publications, Adelaide, Australia.
- Bartky, S. 1975. Toward a phenomenology of feminist consciousness. // *Social Theory and Practice*, vol.3, no. 4, p.425-39.
- Dalton, J.H., Elias, M.J., Wandersman, A. 2007. *Community Psychology: Linking individuals and communities*. Thomson: Wadsworth.
- Davies, B. & Harre, R. 1990. Positioning: The discursive production of selves. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 20, no. 1, p.43-63.
- Denborough, D. 1996. Becoming squarehead, becoming gubba. // *In Beyond the Prison: Gathering dreams of freedom*. Dulwich Centre Publications, Adelaide, Australia. [Jelektronnyj reskurs] *Perevod na russkij jazyk razmewen po adresu <http://narrlibrus.wordpress.com/2009/03/07/squarehead/>* (data obrawenija 01.09.2009)
- Denborough, D. 2008. *Collective Narrative Practice*. Dulwich Centre Publications, Adelaide, Australia.
- Etherington, K. 2004. *Becoming a Reflexive Researcher: Using our selves in research*. Jessica Kingsley Publishers, London and Philadelphia.

- Fook, J. 1999. Critical reflectivity in education and practice / In *Transforming Social Work Practice*, ed. By B. Pease and J. Fook, Allen & Unwin, Sydney.
- Foucault M. 1967. *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*, Tavistock, London.
- Foucault M. 1977. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Allen Lane, London.
- Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977*, ed. C. Gordon, Pantheon, New York.
- Fox, D., & Prilleltensky, I. 1997. Introducing critical psychology: Values, assumptions and the status quo, // in *Critical Psychology: An Introduction*, eds. D. Fox and I. Prilleltensky, Sage, London.
- Freire P. 1972. *Pedagogy of the Oppressed*. Penguin, Harmondsworth.
- Freire P. 2004. *Pedagogy of Hope: Reliving the pedagogy of the oppressed*. Continuum.
- Goffman E. 1961. *Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates*. Penguin, Harmondsworth.
- Healy, K. 2000. *Social Work Practices: Contemporary perspectives on change*. Sage, London.
- Horton M. & Freire P. 1990. *We Make the Road by Walking: conversations about social change*. Temple University Press.
- Ife, J. 1997. *Rethinking Social Work: Towards critical practice*. Longman, Melbourne.
- Meares, R. 2002. *Intimacy and Alienation: Memory, trauma and personal being*. Brunner- Routledge.
- Moreau M. 1979. A structural approach to social work practice // *Canadian Journal of Social Work Education*, vol. 5, no. 1, p.78-94.
- Moritsugu, J., Wong, F.Y., Grover Duffy, K. 2003. *Community Psychology*. Pearson, Allyn & Bacon.
- Mullaly, R. 1997. *Structural Social Work: Ideology, Theory and Practice*. 2nd ed., Oxford University Press, Toronto.
- Parton, N. & O'Byrne, P. 2000. *Constructive Social Work: Towards a New Practice*. Macmillan, Houndmills.
- Payne, M. 1997. *Modern Social Work Theory*. 2nd edition, Macmillan, London.
- Pease, B. 2003. Rethinking the relationship between the self and society // In Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) *Critical Social Work: an introduction to theories and practices*. Allen & Unwin.
- Pupavac, V. 2002. Pathologizing populations and colonizing minds: international psychosocial programs in Kosovo // *Alternatives*, vol.27, no.4, p.489-511.
- Rosenau, P. 1992. *Postmodernism and the Social Sciences*. Princeton University Press, Princeton.
- Shazer de, S. 1985. *Keys to Solutions in Brief Therapy*. Norton, New York.
- Sloan, T. 1997. Theories of personality: Ideology and beyond // In *Critical Psychology: An Introduction*, eds. D. Fox and I. Prilleltensky, Sage, London.

- Szasz T.S. 1961. *The Myth of Mental Illness*. Hoeber-Rowe, New York.
- Szasz T.S. 1963. *Law, Liberty and Psychiatry*. Macmillan, New York.
- Thompson, N. 1998. *Promoting Equality: Challenging discrimination and oppression in the human services*. Macmillan, London.
- Weeks, W. 2003. *Women: Developing feminist practices in women's services* // In Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) *Critical Social Work: an introduction to theories and practices*. Allen & Unwin.
- White, M. 1988. *Saying 'hullo' again: The incorporation of the lost relationship in the resolution of grief*, Dulwich Centre Newsletter. Spring. [Jelektronnyj resurs] *Perevod na russkij jazyk razmewen po adresu: <http://narrlibrus.wordpress.com/2009/01/25/saying-hullo-again/> (data obrawenija: 01.09.2009)*
- White, M. 2007. *Maps of Narrative Practice*. Norton, New York.
- White M., & Epston D. 1990. *Narrative Means to Therapeutic Ends*, Norton, New York.